

Уровень жизни рабочих в России в первой половине XVIII в.

А. В. Шипилов

Размер заработной платы на разных производствах, на казенных и частных предприятиях, у квалифицированных, менее квалифицированных и неквалифицированных работников колебался в весьма широких пределах, а реальное благосостояние зависело не только от размера заработной платы, но и от того, каковы были цены на товары первой необходимости в разных районах и в разное время.

На московских полотняных мануфактурах квалифицированный ткач или подмастерье в первой четверти века получал до 24 руб. в год, менее квалифицированный ткач или неквалифицированный работник вроде разбиральщика или шевашника — 6, 9, 12 рублей. На суконных мануфактурах работавший сдельно прядильщик зарабатывал от 12 до 24 руб. в год, отделявавший сукно дрогшейдер — до 30—40 руб., ткач — до 60 рублей. На шелковых мануфактурах ткачи зарабатывали по 25—30 руб. в год, ученики — по 12—18 руб., иногда до 30 руб. в год. На нетекстильных мануфактурах мастера получали по 40—60 руб., рядовые работники — 8, 12, 14, 20 руб. в год¹.

В Петербурге в 1720—30-е гг. на позументной фабрике Миллера рабочие получали по 2—3 руб. в месяц, на крахмальной фабрике Чиркина по 3—3,5 руб. в месяц, на кожевенных мануфактурах мастеровым платили от 3 до 5 руб., на сахарной мануфактуре Вестова — по 4 руб. в месяц. Сдельно работники канатных и воскобелительных заведений зарабатывали от 15 до 30 коп. в день. В Адмиралтействе наемные мастеровые получали в 1716—1718 гг. по 4 руб. в месяц, в Канцелярии городских дел в нач. 1720-х гг. платили от 3 до 5 руб. в месяц; в начале 1730-х плата наемным работникам снизилась до 2 руб. 70 коп. — 2 руб. 90 коп. в месяц.

На строительстве Александро-Невского монастыря плотники получали 3—4 руб., каменщики — 3—5, разнорабочие — от 1 до 3 руб. в месяц; крестьянские общины, нанимавшие людей для отработки своих повинностей на строительных и др. работах в Петербурге, платили им в 1710—20-е гг. в среднем от 1,5 до 2,5 руб. в месяц — такова была средняя зарплата разнорабочего. На Сестрорецком оружейном заводе в 1732 г. оклады учеников равнялись 12 руб., подмастерьев — 60 руб., мастера получали в зависимости от специальности от 120 до 240 руб., мастеровые — от 12 до 24 рублей. Мастеровые Канцелярии от строений получали в зависимости от класса 7 руб. 20 коп. или

Шипилов Андрей Васильевич — кандидат культурологии, доцент Воронежского государственного педагогического университета.

10 руб. 74 коп., самые квалифицированные — от 18 до 36 руб. и выше. В Арсенале и на пороховых заводах ученики и мастеровые зарабатывали от 9 руб. 72 коп. до 29 руб. 40 коп. в зависимости от специальности и квалификации².

На казенных предприятиях работники часто получали вместе с денежным еще и натуральное жалование — провиант. Так, на московском Портупейном дворе в 1706 г. мастер М. Попов, имевший оклад в 36 руб. в год, получал еще 6 четвертей ржи и овса. На Прядильном дворе в Москве, пряха откуда шла на Екатеринбургскую полотняную мануфактуру, в 1720 г. мастерицы и работницы получали по 10 руб. 80 коп. в год, и им еще выдавали деньги «за мундир» — по 1 руб. 92 коп. мастерицам и по 80 коп. работницам. Натуральное жалование мастерицам составляло 6 четвериков муки в год, работницам давали столько же муки, еще 1,5 четверика крупы и 2 фунта соли. На казенном воскобелительном заводе в 1722 г. три ученика получали на год 84 руб. денежного жалования и сверх того 15 четвертей муки и 12 четвертей овса; на человека выходило по 28 руб. 33 коп., 5 четвертей муки и 3 четверти овса³.

На Олонешких заводах в первой четверти века работники, чей годовой заработок не превышал 12 руб. в год, получали по 3 четверти ржи в год. На уральских казенных заводах хлебное жалование получали тоже не все: на Екатеринбургском заводе хлеб выдавался только солдатам, работавшим в плавильном цеху, на Ягошихинском получали хлеб, кроме того, служащие и школьники. Позднее, в 1730—40-е годы, хлебное жалование выдавали здесь только ссыльным (вместе с одеждой и обувью по солдатским нормам), а мастеровым хлеб либо продавали по сниженным ценам, либо выдавали по 2 пуда в месяц с удержанием из жалованья⁴.

Больше всего была распространена практика хлебных выдач в Петербурге — город зависел от привозного хлеба, поэтому натуральное жалование имело особое значение. Отбывающим строительную повинность крестьянам выдавали по пол-осьмины муки и четверику крупы в месяц. Переведенные из других городов мастеровые Канцелярии от строений получали в месяц полторы осьмины муки и четверик крупы (женатые: холостым выдавали по 3 четверти хлеба в год). До 1710 г. им выдавали по 5 четвертей хлеба в год, с 1711 г. стали давать еще по осьмине крупы, с 1714 г. хлебное жалование в размере 1,5 четверти в год стали получать дети мастеровых. Адмиралтейские мастеровые 3-го класса и ученики получали в год 3 четверти муки и 1,5 четверика крупы, работники более высокой квалификации — 5 четвертей муки и 3 четверти крупы. Мастеровые Арсенала получали по 3 четверти муки, 1,5 четверика крупы и 24 фунта соли.

Александро-Невский монастырь выдавал наемным работникам по 2 четверика ржаной муки, 1/6 четверика овсяной крупы и 2 фунта соли в месяц. Иногда состав натурального жалованья был более разнообразным: в 1744 г. холостые казенные мастеровые, сверх поденной платы в 5 коп., получали в месяц 2 четверика ржаной муки, 1/8 четверика крупы, 1/4 четверика гороха, 2 фунта соли, 1/8 четверика сметков, в мясоедные дни — по полфунта ветчины. Кроме хлебного жалования казенным мастеровым выдавали мундир или неформенную одежду, которую казна закупала оптом; хотя стоимость этой одежды вычиталась из жалования, обходилась она заметно дешевле, чем если бы покупалась на рынке⁵.

Кроме денежной заработной платы и натурального жалования многие работники казенных и частных мануфактур имели в качестве вспомогательного источника существования подсобные хозяйства. Мастеровые столичной Канцелярии от строений получали от казны по 6 десятин земли на двор: 1 десятину на огород, 2 десятины на выгон и покос и 3 десятины на пашню. Рабочие Охтинского порохового завода получали по десятине пашни и покоса на душу. Пахали землю и некоторые мастеровые уральских заводов: на Каменском заводе в 1719 г. пахотные наделы по 0,75 — 3 десятины имели 143 семей из 317, на Алапаевском заводе в 1721 г. хлебопашеством занимались 19 семей из 147. Очень многие рабочие держали скот: на Алапаевском заводе

скот был у 142 семей из 147; в 7 дворах имелось по корове и по несколько голов мелкого скота, у всех остальных были еще и лошади — по одной голове в 51 дворе, по 2 — в 37, по 3 и более — в 26 дворах. О примерном составе и количестве скота у мастеровых дают представление следующие данные: на время проведения первой ревизии плотинный мастер Уктусского завода держал 4-х коров, 13 овец, свинью; молотовый мастер того же завода — 3-х лошадей, 2-х коров, свинью; молотовый работник — 2-х лошадей, 3-х коров, 4-х овец. имел 35 копен сена; рабочий человек — лошадь, корову, 20 копен сена; еще один работник — лошадь, корову, овцу, 50 копен сена⁶.

Однако в любом случае главным источником домашнего бюджета мануфактурного рабочего являлись зарплата или жалование. При этом уровень материального благосостояния определялся не только и не столько размером денежного дохода самим по себе, сколько ценами на товары первой необходимости (прежде всего, продукты питания). В Екатеринбурге в 1720—30-е гг. ржаная мука продавалась по 3—5 коп. за пуд, свинина — по 20—30 коп.⁷, соответственно, получавший 18 руб. в год мастеровой мог на свой месячный заработок приобрести от 492 до 820 кг муки или от 82 до 123 кг мяса; даже приписанный крестьянин с лошадыю, получавший по «плакатным» расценкам 10 коп. в день, на свой дневной заработок мог купить до 55 кг муки или 8 кг свинины. В Красноярске в начале 1770-х гг. XVIII в. пуд ржаной муки можно было купить за 2 коп., пшеничной — за 5 коп., пуд говядины — за 15 коп.; корова здесь стоила 1 руб., бык — 1,5 руб., лошадь — 2 рубля⁸. При такой дешевой даже ученик или разнорабочий могли бы «жить припеваючи» — однако здесь не было крупных мануфактур.

Зато в Иркутской провинции, где располагался Ангинский завод купца Ф. Ланина, пуд муки стоил до 40 коп., а приписным заводоуправителем продавал муку по 60—70 коп. за пуд, платил же он им по «плакату»⁹, соответственно, пеший работник на свои поденные 5 коп. мог купить всего 2 кг муки на рынке или 1,2 кг у заводчика. В районе Олонешских заводов зерновая рожь в 1710-е годы продавалась по казенной цене 1 руб. 74 коп. четверть, в 1740-е годы цены колебались от 1 руб. 80 коп. до 2 руб. 25 коп.¹⁰; соответственно, ученик на свою рублевую месячную зарплату мог приобрести около 70 кг муки, то есть в 7—12 раз меньше своего уральского коллеги.

Весьма «дорогим» городом был и Санкт-Петербург. Вот средние столичные цены 1730—40-х годов: пуд ржаной муки стоил 27 коп., пшеничной — 40, масла животного — 1 руб. 30 коп., конопляного — 80 коп., говядины — 80 коп., сала, ветчины, свинины — 1 руб. 20 коп., сельди — 20—40 коп., судака или щуки — 60 коп., лосося — 1 руб. 20 коп., осетрины — 1 руб. 60 коп., семги — до 2 руб., икры — от 1 руб. 20 коп. до 2 руб., сахара — 8 руб., кофе — 15 рублей¹¹.

Если условно определить средний оклад квалифицированного мастерового в 30 руб. в год, то выходит, что на месячную зарплату он мог купить (или — или): 152 кг ржаной муки, 102 кг пшеничной муки, 31 кг животного масла, 51 кг конопляного масла, 51 кг говядины, 34 кг свинины, 102 — 205 кг сельди, 68 кг судака или щуки, 34 кг лосося, 26 кг осетрины, 20 кг семги, 20 до 34 кг черной икры, 5 кг сахара, 2,7 кг кофе. Понятно, что даже столичный рабочий вряд ли регулярно ел черную икру, запивая ее кофе, но и по отношению к хлебу и мясу его возможности выглядят довольно скромно в сравнении с уральскими мастеровыми. Впрочем, если этот рабочий был холостым (или если жена и старшие дети тоже работали — например, на текстильной мануфактуре), получал, помимо денежного еще и натуральное жалование (провант могли выдавать также на жену и детей), одежду, имел подсобное хозяйство и т.д., то уровень его благосостояния мог быть выше, чем у екатеринбургского или воронежского мастерового, получавшего примерно столько же, но вынужденного приобретать основные товары по гораздо более низким ценам.

Многое зависело от того, трудился ли рабочий на казенном или частном предприятии: казенные мастеровые не только не платили податей, они полу-

чали не плату за работу, а жалование за службу — денежное и натуральное. Разница заключалась в том, что на частных предприятиях платили в основном сделно, то есть определялся труд, а казна обеспечивала мастерового, его жену и детей вне зависимости от реально выполненной работы. В этом случае оплачивались не только выходные и праздничные дни, количество которых доходило почти до сотни, но и простойные, если простой произошел не по вине работника. А такое на водостойствующих предприятиях происходило очень часто — обычно они простаивали от нескольких недель до нескольких месяцев в году из-за проблем, связанных с ледоходом, ледоставом, недостаточным уровнем воды в запрудах летом и замерзанием русел зимой, а также из-за текущего ремонта. Ягошихинский и Заманский заводы простаивали от 70 до 200 и более дней в году. На Екатеринбургском заводе число простоев, исключая выходные и праздничные дни, в период с 1724 по 1746 г. составило 1896 дней, т.е. 22,6% от общего количества дней в году; если количество воскресных и праздничных дней взять по артиллерийскому регламенту 1731 г. в 96 дней, количество рабочих, соответственно, в 269 дней, то получится, что простой составил 30,6% всего рабочего времени. Нижне-Уктусский завод с 1720 по 1746 г. простоял 3504 дня; всего доля простоев составила здесь 35,5% от общего числа дней и 48,3% от количества рабочих дней.

Алапаевский завод с 1726 по 1746 г. простоял 3385 дней; простой составил 44,2% от общего числа дней и 59,9% от всего рабочего времени. Синячихинский завод за те же годы простоял 2627 дней; общая доля простоянных дней составила 34,3% от календарного и 46,5% от всего рабочего времени. Таким образом, число простоянных дней колебалось от 22 до 260 дней в году, а их общая доля составляла от 22,6% до 44,2% календарного и от 30,6% до 59,9% рабочего времени. Кроме того, летом мастеровых отпускали косить сено. В описании уральских и сибирских заводов Геннина за 1735 г. предписывалось «мастеровым и рабочим людем в летнее время быть уволенным же для поставки сена с праздничными и воскресными на 10 дней»; в 1750-е годы медеплавильные заводы Казанской губернии ежегодно останавливались на 65 дней за «отпуском в летние времена для козбы сена» мастеровых людей. Однако жалование мастеровых от этого никак не зависело, так что работа на казенном предприятии имела важные преимущества несмотря на то, что частные заводчики платили своим рабочим на сельские и поденщикам несколько больше: оплачивать простои они не собирались, наоборот, порой прихватывали воскресные и даже праздничные дни¹².

Оценить относительный уровень благосостояния фабричного рабочего первой половины XVIII в. можно, не столько сравнивая столичные цены и зарплаты с уральскими, сколько сопоставляя цены и зарплаты по одним и тем же регионам, но в разные периоды. В первые годы XIX в. в Санкт-Петербурге цены выглядели так: пуд ржаной муки стоил 79—98 коп. (ассигнациями), муки пшеничной сеяной от 2 руб. 40 коп. до 2 руб. 80 коп., крупы гречневой — 1 руб. 10 коп., риса — 3 руб. 20 коп., мяса — от 4 руб. до 4 руб. 40 коп., масла коровьего — 13 рублей. Столичные рабочие зарабатывали в это время от 36 до 127 руб. в год, в среднем около 80 руб., соответственно, на свои 6 руб. 67 коп. в месяц рабочий мог купить (или — или)¹³: 111—138 кг ржаной муки, 39—46 кг пшеничной муки, 99 кг гречневой крупы, 34 кг риса, 25—27 кг мяса, 8 кг коровьего масла.

В 1830-е гг. старшие мастеровые I разряда получали в Санкт-Петербурге 240—300 руб. в год, старшие мастеровые II разряда — 120—130 руб., младшие мастеровые — 72 руб., ученики — 14 руб. 40 коп. Цены были таковы (1832 г.): пуд ржаной муки продавался по 1 руб. 95 коп., пшеничной муки — 4 руб. 40 коп., крупы гречневой — 2 руб. 80 коп., риса — 11 руб. 50 коп., мяса — 6 руб. 80 коп. Соответственно, младший мастеровой на свои 6 руб. в месяц мог купить (или — или)¹⁴: 50 кг ржаной муки, 22 кг пшеничной муки, 35 кг гречки, 9 кг риса, 14 кг мяса, а старший мастеровой II разряда — 84 кг ржаной муки, 37 кг пшеничной, 59 кг гречки, 14 кг риса, 24 кг мяса. Таким образом, даже принимая во внимание всю недостаточность и некоторую условность произведе-

денного подсчета, очевидно, что покупательная способность средней зарплаты петербургского рабочего за столетие 1730—1830-х гг. снизилась не менее чем вдвое, что влекло за собой снижение общего уровня жизни.

К подобному выводу можно прийти и относительно уральских рабочих: на частных заводах Урала в середине 30-х гг. XIX в. подмастерья получали от 50 до 115 руб., в среднем 80 руб. в год или 6 руб. 67 коп. в месяц. В Челябинске в 1835 г. пуд ржаной муки продавался за 1 руб. 04 коп., пуд гречневой крупы стоил 1 руб. 86 коп., сотня огурцов — 4 руб. 25 коп. (здесь и далее — среднегодовая цена), сотня кочанов капусты — 5 руб. 50 коп., сотня яиц — 1 руб. 65 коп., пуд говядины — 3 руб. 25 коп., солонины — 3 руб., мелкой рыбы — 3 руб. 50 коп., коровьего масла — 9 руб., конопляного масла — 14 руб., меда — 22 рубля¹⁵. Соответственно, на свой месячный заработок уральский рабочий мог купить (или — или): 105 кг ржаной муки, 59 кг гречневой крупы, 157 шт. огурцов, 121 кочан капусты, 404 яйца, 34 кг говядины, 36 кг солонины, 31 кг рыбы, 12 кг коровьего масла, 8 кг конопляного масла, 5 кг меда. По сравнению с Екатеринбургом 1730-х гг. можно констатировать снижение покупательной способности в два и более раз.

Эта тенденция станет еще более заметной, если для сравнения взять только один регион, но в более длительной хронологической перспективе. В 70—80 гг. XVII в. ткачи московской Хамовной слободы, представлявшей собой тогда фактически централизованную мануфактуру, получали по 18 руб. в год, столько же зарабатывали дворцовые ткачи шелка; позже мастерам стали платить 10, а подмастерьям — 8 руб., но ввели хлебное жалование — мастер получал 10 четвертей ржи и 10 четвертей овса, подмастерье — по 8 четвертей того и другого. Подмастерья Приказа Каменных дел получали денежное жалование от 6 до 25 руб. в год, поденного корма 10 денег в день и хлебное жалование от 3 до 9 четвертей ржи и овса в год. Кроме этого, каменщики могли получать питание и непосредственно на строительстве, причем весьма приличное — когда в 1674 г. на Аптекарском дворе сначала 50, а потом 100 мастеров строили несколько каменных зданий, им по подряду было поставлено такое продовольствие: 20 пуд. коровьего масла, 150 пуд. ветчины, 50 пуд. соленой белуги, 50 пуд. осетров, 10 пуд. икры, 100 ведер вина и т. д.¹⁶

Таким образом, заработок мастера среднего уровня квалификации составлял примерно 18—20 руб. в год, цены же на московском рынке 70-х гг. XVII в. выглядели следующим образом: овца — 30 коп., поросенок — 5 коп., гусь — 10 коп., утка — 5 коп., курица — 3 коп., цыпленок — 1 коп., заяц — 3 коп., пуд говядины — 28 коп., коровьего масла — 1 рубль¹⁷. Соответственно, на месячный заработок в 1,5 руб. работник мог приобрести (или — или): 5 овец, 15 гусей, 30 поросят или уток, 50 зайцев или кур, 88 кг говядины, 25 кг масла. Учитывая внушительные размеры хлебного жалования, равнявшегося в переводе на муку семи — восьми центнерам, можно считать покупательную способность московского рабочего XVII в. достаточно высокой.

На 1913 г. среднегодовой заработок рабочих в Московской губернии составлял 252 руб. 79 коп. (в целом по Российской империи на 1912 г. — 255 рублей)¹⁸. Годом раньше на оптовом рынке Москвы масштаб цен выглядел следующим образом (приведены среднегодовые товарные цены; розничные цены были несколько выше, но мы считаем возможным в данном случае игнорировать разницу между оптом и розницей, так как приводим цены на самые дорогие сорта того или иного продукта). Гречневая крупа продавалась по 1 руб. 40 коп. за пуд, пшено стоило 1 руб. 60 коп., мука ржаная — 1 руб. 44 коп., мука пшеничная — 2 руб. 60 коп., говядина — 5 руб. 85 коп., свинина — 7 руб. 31 коп., масло свежее вологодское — 17 руб. 83 копейки¹⁹. Соответственно, на месячный заработок в 21 руб. московский рабочий мог купить (или — или): муки ржаной — 239 кг, муки пшеничной — 132 кг, пшена — 215 кг, гречки — 246 кг, говядины — 59 кг, свинины — 47 кг, масла сливочного — 19 кг. Налицо очевидное снижение покупательной способности, что не могло не вести к снижению уровня жизни, подтверждением чего может

послужить и такой факт: в 1775 г. казенные нормативы прожиточного минимума холостого рабочего включали 969 г ржаной муки и 607 г мяса (рыбы) в день, а фабричная инспекция, обследовавшая в 1897 г. питание типичной артели мастеровых-ткачей, установила, что на работника приходилось только 837 г муки и 123 г мяса²⁰.

Таким образом, уровень жизни мануфактурного рабочего первой половины XVIII в. был несколько ниже, чем у мастера второй половины XVII в., но заметно выше, чем у фабрично-заводских рабочих XIX — нач. XX века. Однако для более полной картины следует прибегнуть не только к диахронному, но и к синхронному сравнению, сопоставив доход мастера с доходами других категорий населения, а также с положением рабочего класса в зарубежных странах. В 30-е гг. XVIII в. средняя зарплата мануфактурного рабочего равнялась примерно 30 руб. в год. Одновременно в армии капрал получал 12 руб., вахмистр — 13 руб., подпрапорщик — 22 руб., прапорщик — 50 руб., и т. д. (подполковнику платили 150 руб., полковнику — 300). В лейб-гвардии Семеновском полку по штату 1733 г. гренадеры и мушкетеры младшего оклада получали жалование 13 руб. 37 коп. в год, рядовые старшего оклада — 18 руб. 37 коп., подпрапорщики, фурыеры и капрала — 19 руб. 37 коп., каптернамус — 25 руб. 37 коп., сержант — 37 руб. 37 коп., прапорщик — 120 руб., и т. д. (капитан-поручик — 300 руб., капитан — 360 руб.)²¹. Таким образом, зарплата рабочего занимала промежуточное место между окладами армейского подпрапорщика и прапорщика, или гвардейского каптернамуса и сержанта, то есть где-то между высшими унтер-офицерскими и низшими обер-офицерскими чинами.

Примерно такая же ситуация была и раньше: во второй половине XVII в. стрельцы получали денежного жалования 10 руб. в год, десятники — 13 руб., пятидесятники — 15 руб., сотники — от 40 до 50 руб.; в полках нового строя драгунам выплачивалось по 12 руб., рейтарам по 30 руб. в год; годовой оклад детей боярских и городских дворян равнялся 6, 7, 8, 10, 15, 20, 25 руб. и т. д. (до 50 руб.), «смотря человека по чину и по чести»²². Таким образом, зарплата казенного мастера — 18 руб. в год — была выше жалования драгуна, стрелцкого пятидесятника и даже многих дворян и детей боярских, и хотя в отличие от последних он не имел поместного оклада, а его хлебное жалование было меньше стрелцкого (стрелецкие пятидесятники получали 20 четвертей хлебного жалования, десятники — 18, рядовые стрельцы — 15 четвертей в год), в целом уровень его дохода и, соответственно, жизни, следует признать сравнительно высоким.

Впрочем, при желании (и возможности) зарплата мастера среднего уровня — а то и превышала жалование даже штаб-офицерских чинов. В первой половине XVIII в. правительство уделяло большое внимание повышению квалификации мануфактурных рабочих, что непосредственно отражалось на размере жалования: мастер получал в несколько раз больше ученика, а стать если не мастером, то подмастерьем мог в принципе любой. Так, на Олонекских заводах мобилизованным из разных городов кузнецам за «радетельное их учение оружейному делу» в 1708 г. выдали премию в 1 руб., так же премировали рекрутов, а наиболее способным ученикам, оказывавшим помощь в обучении своих товарищей, платили по 50 коп. в месяц: «за радетельное учение» некоторым ученикам выдавали премию до 8 руб. в год. За лучший ружейный замок изготовившему его ученику платили вдвое и втрое выше обычного; горным ученикам за «радетельную» работу платили вдвое больше. Так было не только на Олонекских заводах: в 1733 г. по специальному решению Сибирского обер-бергамта молотовой мастер, обучивший в течение года подмастерья, получал премию 10 руб., обучивший мастера — 20 рублей.

Чем выше становилась квалификация рабочего, тем больше он зарабатывал; соответственно, многие из учеников, взятых по рекрутскому набору, становились подмастерьями и мастерами, получая сдельно или по окладу гораздо больше, чем раньше. Так, солдат Шлиссельбургского полка Д. Новиков, взятый на Петровский завод в 1705 г., был зачислен учеником в оружей-

ную мастерскую и получал 1 руб. деньгами и 2 четверика хлеба в месяц. В 1707 г. он уже числился мастером с окладом 25 руб. в год, в 1710 г. размер его хлебного жалования был повышен до 6 четвериков в месяц, в 1722 г. он стал эфесным мастером, имел оклад 3 руб. 50 коп. в месяц и специально получал по 1 руб. за эфес (при норме выработки 3 эфеса в месяц), соответственно, зарабатывал в год до 84 рублей. Молотовой работник Петр Ошанин, зарабатывавший 6 коп. в день, заменил подмастерье и начал получать по 16 коп. в день, затем стал мастером, и к 1719 г. его заработок достигал уже 160 руб. в год. Многие рабочие московских текстильных мануфактур, поступавшие в первой четверти века прядильщиками и шпульниками, в документах 1730-х гг. фигурируют уже как ткачи или дрогшейдеры; соответственно, и заработки их вырастали с 8—12 до 30—60 руб. в год.

Крестьянин села Кохмы, приписанного к мануфактуре Тамеса, а после ее раздела оказавшийся на фабрике Карамышева, С. Андреев, сначала получал 1 руб. 50 коп. в месяц, а после обучения стал мастером и зарабатывал вдвое больше. Рабочий петербургского Арсенала С. Леонтьев начал свою работу пушечным учеником, дошел же до мастера медных дел, и если в начале своей рабочей карьеры его оклад равнялся 8 руб., то к ее концу он получал уже 125 рублей. А. Горшенин с 18 лет работал пороховщиком, через 20 лет стал подмастерьем, а еще через 13 лет (в 1736 г.) — мастером на Охтинском пороховом заводе. По штату 1750 г. пороховщик, в зависимости от категории, получал от 12 до 24 руб., подмастерье — 48 руб., а мастер — 120 руб. в год, то есть за 33-летнюю работу/службу этот казенный мастерской добился 10-кратного увеличения зарплаты и всю оставшуюся жизнь (в 1761 г. он еще работал) получал высший оклад. Таким образом, квалифицированный мастерской на казенной мануфактуре, начав с уровня капрала, мог пойти до капитанского, а то и до майорского жалования (армейский капитан получал 100 руб., майор — 140 рублей). У частных фабрикантов повышение квалификации рабочего гораздо реже находило отражение в соответствующем повышении зарплаты, но все же такие случаи не были исключением.

Наиболее объективную оценку уровня благосостояния российских мануфактурных рабочих первой половины XVIII в. в целом можно сделать на основании сравнения покупательной способности их зарплат с аналогичными данными, относящимися к рабочему классу других стран, и в первую очередь индустриально развитых. После открытия Нового света и начала добычи серебра и золота в испанских колониях в Западную Европу хлынул поток монеты, вызвавший «революцию цен», причем цены на сельскохозяйственную продукцию росли значительно быстрее, чем на промышленную. С 1550 по 1700 г. цена хлеба в Нормандии повысилась на 500%, в Англии — на 350, Эльзасе — на 240, Париже — на 200, Саксонии — на 170%; в то же время железо в Англии подорожало лишь на 50%, во Франции — на 100, в Мюнстере — на 30, полотно в Англии на 60—70%, в Эльзасе — на 110—120, сукно почти не подорожало — только на самые лучшие сорта цена поднялась на 150%, зато сапоги и башмаки стали стоить втрое больше. (Вздорожало сырье — кожа, то есть скот: с середины XVI до конца XVII в. цена быка в Англии выросла с 55 шиллингов до 130—140, цена овцы — с 3 до 30 шиллингов). Оплата наемного труда увеличивалась гораздо более низкими темпами, то есть покупательная способность падала, в результате чего за те же полтора века реальная зарплата снизилась в среднем в два раза: если в 60-е гг. XVI в. стоимость годовой нормы хлеба равнялась сумме, которую английский ремесленник зарабатывал за 20 недель, то в 80-е гг. XVII в. на это требовалась сумма заработка за 48 недель. В дальнейшем ситуация только усугублялась: в 1725 г. английский сельскохозяйственный рабочий зарабатывал в год около 13 фунтов, ремесленник — 15 фунтов 13 шиллингов, а минимальная годовая норма провианта стоила уже 16 фунтов 2 шиллинга 3 пенса²².

Московского государства этот общекионтинентальный процесс коснулся в меньшей степени, поэтому и оплата труда русских рабочих была более высокой по сравнению с западноевропейской. Во второй половине XVII в.

английский рабочий средней квалификации (плотник, каменщик и т.п.) зарабатывал около 10 шиллингов в неделю, то есть 40 шиллингов в месяц. Пшеница тогда (1680-е гг.) продавалась по средней цене 42 шиллинга за квартал (291 л, то есть 1,39 четверти), говядина стоила 3 шиллинга 5,5 пенсов за 14 английских фунтов (454 г, то есть 1,1 русского фунта), масло — 6 шиллингов 1 пенс за 12 фунтов, овца — 24 шиллинга 8 пенсов, свинья — 16 шиллингов, курица — 1 шиллинг 4 пенса, яйца — 1,5 шиллинга²⁴. Соответственно, на свой месячный заработок в 2 фунта стерлингов английский рабочий мог купить (или — или): 208 кг пшеницы (пшеница в Англии была основным видом хлеба), 73 кг говядины, 32 кг масла, 2-х овец, 2-х свиней, 30 кур, 27 зайцев. Русский рабочий в то же время мог купить на свои полтора рубля в месяц 315 кг ржи (по 70 коп. за четверть), или 88 кг говядины, или 25 кг масла, или 5 овец, или 50 зайцев, или столько же кур. Соответственно, покупательная способность среднего заработка русского мастеравого по сравнению с его английским коллегой была примерно в полтора раза выше (даже с учетом высокоуровневого в Англии товарного животноводства, обеспечивавшего рынок сравнительно дешевой говядиной и молочными продуктами).

В течение первой половины XVIII в. английский ремесленник зарабатывал по 6—7 шиллингов в неделю, квалифицированный мануфактурный рабочий (ткач, металлург) получал 10—12 шиллингов, то есть средний заработок мастеравого варьировал в диапазоне примерно от 15 до 25 фунтов стерлингов в год. Пшеница в это время продавалась по 46 шиллингов квартал, мясо стоило 3,5 пенса, масло — 6,5 пенсов, сыр — 3,8 пенса за фунт²⁵. Соответственно, при средней зарплате 33 шиллинга в месяц английский рабочий мог купить (или — или): 157 кг пшеницы, 51 кг мяса, 28 кг масла, 47 кг сыра. Если сравнить эти цифры с покупательной способностью средней зарплаты петербургского рабочего того же времени, то получится примерно паритет (в этом случае мы не принимаем во внимание натуральное довольствие, подсобное хозяйство, одежду и другие выдачи и льготы, которыми пользовались мастерские казенных мануфактур), если же сравнить их с покупательной способностью екатеринбургского рабочего, то получится, что на свою зарплату он мог купить в 4—6 раз больше хлеба и в 1,5—2,5 раза больше мяса, чем английский рабочий того времени. Принимая во внимание, что столичные и уральские цены на базовые продукты питания представляли собой своего рода полюса формирующегося всероссийского рынка, можно сказать, что в среднем уровень покупательной способности зарплаты русского мастеравого в первой половине XVIII в. был примерно в полтора — два раза выше уровня покупательной способности английского рабочего. Этот вывод можно с определенной уверенностью экстраполировать и относительно мануфактурных рабочих других развитых западноевропейских стран, в частности, французских, которые зарабатывали примерно от 70 до 110 сантимов в день, тогда как цены на пшеницу колебались в диапазоне от 8 до 66 ливров за сетье, в среднем 18—24 ливра за сетье (156 литров, то есть 117 кг). При месячном заработке 23 ливра и цене сетье 20 ливров французский рабочий мог купить 135 кг пшеницы, или же, с учетом фигурирующих в литературе данных, 44 кг мяса, или 15 кг масла²⁶. Эти цифры ниже даже тех, что характеризуют покупательную способность петербургского рабочего, что же касается уральских мастерских, то они на свою зарплату могли покупать в 2—3 раза больше мяса и в 5—8 раз больше хлеба (ржаного).

Таким образом, подводя общий итог, следует сказать, что уровень жизни рабочих, занятых в бурно развивавшейся в первой половине XVIII в. российской мануфактурной промышленности, был сравнительно высоким, а реалии двух- трехвековой давности остаются не только актуальными, но и поучительными.

1. ЗАОЗЕРСКАЯ Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М. 1953, с. 450—455; ЛЮБОМИРОВ П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М. 1947, с. 597; ПАЖИТНОВ К.А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Шерстяная промышленность. М. 1955, с. 66; История Москвы. Т. 2. Период феодализма. XVIII в. М. 1953, с. 262; ФАЛЬКОВСКИЙ Н.И. Москва в истории техники. М. 1950, с. 325.
2. СЕМЕНОВА Л.Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л. 1974, с. 131—158; Очерки истории Ленинграда. Т. 1. Период феодализма (1703—1861 гг.). М.-Л. 1955, с. 66, 70.
3. БАБУРИН Д. Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М. 1939, с. 63; ЗАОЗЕРСКАЯ Е.И. Ук. соч., с. 148, 195; СЕМЕНОВА Л.Н. Ук. соч., с. 139.
4. ГЛАГОЛЕВА А.П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. М. 1957, с. 211; ЧЕРКАСОВА А.С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. М. 1985, с. 153—155.
5. СЕМЕНОВА Л.Н. Ук. соч., с. 129, 134, 139, 143, 145, 152, 165—168.
6. ПАВЛЕНКО Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М. 1953, с. 491; ЗАОЗЕРСКАЯ Е.И. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII в. В кн.: К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.). М. 1958, с. 171—172; СЕМЕНОВА Л.Н. Ук. соч., с. 145; ЧЕРКАСОВА А.С. Ук. соч., с. 152—153.
7. Седой Урал. Век XVIII. М. 1983, с. 344.
8. Россия XVIII века глазами иностранцев. Л. 1989, с. 461.
9. ПАВЛЕНКО Н.И. Ук. соч., с. 485.
10. МИРОНОВ Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX вв.). Л. 1985. Приложение, таб. 3; ГЛАГОЛЕВА А.П. Ук. соч., с. 215—216.
11. БЕСПЯТЫХ Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб. 1997, с. 92; СЕМЕНОВ А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. Ч. III. СПб. 1859, с. 502; Очерки истории Ленинграда. Т. 1, с. 84—85.
12. ПОЛЯНСКИЙ Ф.Я. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. М. 1956, с. 301; ЧЕРКАСОВА А.С. Ук. соч., с. 151; ПАВЛЕНКО Н.И. Ук. соч., с. 299; Седой Урал, с. 366.
13. ПАЖИТНОВ К.А. Положение рабочего класса в России. Т. 1. Пг. 1923, с. 107; КИТАНИНА Т.М. Рабочие Петербурга в 1800—1861 гг. Л. 1981, с. 209.
14. КИТАНИНА Т.М. Ук. соч., с. 220.
15. Материалы для статистики Российской империи. СПб. 1841, с. 69—79.
16. История Москвы. Т. 1. Период феодализма. XII—XVII вв. М. 1952, с. 370, 408; ФАЛЬКОВСКИЙ Н.И. Ук. соч., с. 206; ЗАОЗЕРСКАЯ Е.И. Ук. соч., с. 57—58.
17. КОСТОМАРОВ Н. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб. 1862, с. 275.
18. КИРЬЯНОВ Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX—начало XX в.). М. 1979, с. 104.
19. Свод товарных цен на главных русских и иностранных рынках за 1912 год. СПб. 1913; Статистический ежегодник на 1913 год. СПб. 1913, с. 546, 552, 568.
20. СТРУМИЛИН С.Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1. М. 1954, с. 392—393; ГВОЗДЕВ С. Записки фабричного инспектора. М. 1911, с. 148.
21. МЕДУШЕВСКИЙ А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М. 1993, с. 237—241; Подробное известие о Лейб-Гвардии Семеновском полку. — Родина. 2000, № 11, с. 27—28.
22. О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. СПб. 1859, с. 74, 80, 108—110.
23. КУЛИШЕР И.М. Очерки из истории форм промышленности в Западной Европе с XIII по XVIII ст. СПб. 1906, с. 143—144, 219; ГИББИНС Г. Промышленная история Англии. СПб. 1898, с. 113; РОДЖЕРС Т. История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX век. СПб. 1899, с. 319—334.
24. РОДЖЕРС Т. Ук. соч., с. 325.
25. ГИББИНС Г. Ук. соч., с. 113, 143, 196; РОДЖЕРС Т. Ук. соч., с. 327, 333—334.
26. АФАНАСЬЕВ Г.Е. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Одесса. 1892, с. 186, 194, 404, 497; ЭНГЕЛЬГАРДТ Р.Ю. Социально-экономическое положение Франции в конце XVII — начале XVIII в. Кишинев. 1976, с. 164; СТРУМИЛИН С.Г. Очерки экономической истории России. М. 1960, с. 89.